

ГДЕ ЭТИ ДОКУМЕНТЫ?

По следам Ф. М. Достоевского

So all

Как это ни странно на первый взгляд, но на сегодняшний день в фондах Омского государственного архива нет ни одного документа, в котором бы упоминалось имя великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. Во всяком случае, среди выявленных, т. е. известных архивариусам и исследователям, таких бумаг не значится. И это в то время, когда точно известно, что такие бумаги были.

Еще в 1898 году некто К. Николаевский поместил в популярном журнале «Исторический вестник» сообщение «Товарищи Ф. М. Достоевского по каторге».

«Во время моей последней поездки в степные области, — писал он, — я имел возможность видеть в г. Омске любопытный документ, касающийся пребывания Ф. М. Достоевского и шести других политических преступников в бывшей омской каторжной тюрьме, в 1850 году. (Достоевский, как известно, был доставлен в Омск в январе этого года — А. Л.). Документ этот официального происхождения, озаглавлен: «Статейный список о государственных и политических преступниках, находящихся в Омской крепости в каторжной работе 2-го разряда. Июня 19-го дня 1850 года».

И далее К. Николаевский полностью приводит текст «Статейного списка». В нем приводятся данные о семерых узниках. Первые четверо —

польские повстанцы: Александр Мирецкий, Иосиф Жаховский, Иосиф Богуславский и Шимон Токаржевский. Последний известен как автор весьма пристрастных воспоминаний о пребывании Достоевского на каторге, частично переведенных на русский язык. Пятый — товарищ Достоевского по кружку Петрашевского поэт Сергей Дуров. Шестой — бывший дворянин Аристов, авантюрист, осужденный за политическую клевету и мошенничество. Все эти люди упоминаются в «Записках из Мертвого дома».

А вот некоторые из данных, содержащихся в «Списке» о Достоевском.

«Наружные приметы в недостатки»: «Лицо чистое, белое, глаза серые, нос обыкновенный, волосы светло-русые, на лбу над левой бровью небольшой рубец».

«Какого телосложения»: «Крепкого».

«Какое знают мастерство и умеют ли грамоте»: «Чернорабочий, грамоте знает».

«Ранжирная мерка»: «2 аршина 6 вершков».

Любопытно, что К. Николаевский оставил нам описание самой каторжной тюрьмы —

едва ли не единственное, если не считать того, что известно по «Запискам из Мертвого дома».

«В настоящее время, — сказано в «Историческом вестнике», — Омской каторжной крепости уже не существует, но само здание острога еще цело. Это три деревянных корпуса, длинных и низких, в которых живут теперь военные музыканты и солдаты местного гарнизона... Ограды или высоких палей (забор из врытых в землю бревен — А. Л.), о которых рассказывает Достоевский, уже нет... и только желтая краска, в которую окрашены все здания, казенная и скучная, веет грустью. На валу, полузасыпанном, растет высокий бурьян, который покрыл собой все когда-то протоптанные дорожки».

Безусловно, сегодня мы должны быть благодарны неизвестному нам К. Николаевскому, публикация которого донесла до наших дней интересные подробности. Где же находится сейчас сам «Статейный список» — неизвестно. А ведь он мог бы украсить экспозицию любого музея.

Неизвестно, где находится и другой документ, тоже касаю-

щийся сибирского периода жизни писателя. Он был опубликован ~~без малого~~ 60 лет тому назад, 14 апреля 1926 года. Омская газета «Рабочий путь» напечатала тогда заметку, которая до сих пор вызывает ряд вопросов.

Называлась она — «Архивная находка о Достоевском. Из материалов Омского архивбюро». Ее автор — П. Орлов — сообщал читателям газеты:

«На днях, при разборке старых дел архива бывшего главного управления Западной Сибири, пишущему эти строки почастливилось обнаружить один документ, имеющий прямое отношение к вопросу о ссылке Достоевского в Омск».

Речь шла о секретном предписании Тобольского губернского управления омскому коменданту. Оно содержало инструкции о водворении Достоевского и Дурова в каторжную работу.

«Государю императору, — сказано в этой бумаге, — благоугодно, чтобы помннутые преступники по распределению их распоряжением Приказа о ссыльных по назначению (Приказ о ссыльных — учреждение, находившееся в Тобольске — А. Л.), в полном смысле слова

были арестантами, соответственно приговору: облегчение их участи в дальнейшем времени должно зависеть от их поведения и монаршего милосердия, но отнюдь не от снисхождения к ним ближайшего начальства; для неослабного и строго надзора должны быть назначены надежные чиновники».

Где этот документ? Кто такой П. Орлов? На эти вопросы тоже пока нет ответа.

Загадочным представляется отсутствие среди документов Омского военного госпиталя, в арестантской палате которого не раз лечился Достоевский, его «Скорбного листа», т. е., выражаясь современной терминологией, — его истории болезни. Интересовавшаяся в свое время этим вопросом академик В. П. Бизярина сообщила автору этих строк, что, по словам начальника госпиталя — покойного М. М. Гилента, — эти «Скорбные листы» были кем-то изъяты из подшивок документов, а на их месте остались явные следы изъятия. Кто, когда и с какой целью сделал это, — неизвестно. Найдись эти бумаги, — они стали бы большим подспорьем для исследователей биографии писателя, т. к. вокруг вопросов, связанных с его болезнью, с ее влиянием на его дальнейшее творчество, до сих пор не утихают споры.

Кто знает, может быть, еще мы станем свидетелями новых находок, связанных с именем великого писателя.

А. ЛЕЙФЕР.